

ВРЕМЯ

Z

ВАЛЕРИЙ КИСЕЛЕВ

СМЕРТИ
СМОТРЕЛИ
В ГЛАЗА

Ленинград
издательский дом
2026

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445
К44

Серия «Время Z»

Дизайн обложки *Владимира Ноздрина*

*Выпуск произведения без разрешения издательства
считается противоправным и преследуется по закону*

Киселев, Валерий Павлович

К44 Смерти смотрели в глаза: документальная проза /
Валерий Киселев. — Москва: Издательство АСТ; Изда-
тельский дом «Ленинград», 2026. — 320 с. — (Время Z).

ISBN 978-5-17-193700-3

Все войны похожи прежде всего тем, что на каждой из них есть риск быть убитым. В этой книге собраны рассказы солдат и офицеров, которые находились в секундах от гибели, но сумели ее избежать.

Читатель увидит галерею уникальных человеческих судеб и услышит голоса тех, кто заглянул смерти в лицо. Герои книги откровенно рассказывают о ситуациях, в которых им удалось выжить. Однако наряду с везением решающую роль сыграли самообладание в критической для жизни момент, воинское мастерство и мужество.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-193700-3

© Валерий Киселев, 2026
© ООО «Издательство АСТ», 2026

Глава первая
ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ
ВОЙНА

Любая война, в том числе и Великая Отечественная, — это прежде всего кровь и смерть, и уж потом — радость Победы. Если повезет уцелеть... Каждый солдат, оставшийся в живых, всегда помнит своих погибших друзей, никогда не забудет мгновений жизни, которые могли для него стать последними.

Горчаков Ю. М., комсорг 624-го полка, старший лейтенант:

— Как-то идем цепочкой из одного батальона в другой. Я первый прошел, и ничего, а те, кто за мной, на мину напоролась — в клочки разнесло, хотя шли вроде бы шаг в шаг. На Соже, у какого-то блиндажа сидим, разговариваем с лейтенантом Уваровым, комсоргом батальона, вдруг разрыв мины — ему осколок в живот, что ползело все оттуда, и сразу умер. А сидели рядом...

Кисляков С. П., рядовой 409-го стрелкового полка:

— Сидим, отдыхаем после боя, видим — к нам на коне посыльный скачет. Кто-то еще сказал: «Наверняка сейчас на мину наскочит». И точно! Только успел сказать — взрыв. Пошли туда саперы — от лошади ни шкурки, у солдата ноги срезало, как бритвой. Посадили его на другую лошадь и отправили обратно. И опять этот же солдат, грузин, сказал: «Опять ведь подорвется». И действительно, только лошадь немного прошла и снова наскочила на мину. В этот раз связного уже, кажется, убило. А потом и этого грузина снарядом убило. Я у него еще только прикурил, отошел по окопу — взрыв мины, подбегаю — у него осколок в груди торчит, изо рта пена с кровью. Тут и закопали, в его же окопе. А то сидим, закусываем под сосной, человек семь. Бах! Снаряд в сосну. И убило — всего одного, но его никак уж не надо бы убивать — пятеро детей было, писарь нашего батальона, горьковчанин...

Василенко М. Ф., замполит отдельного противотанкового дивизиона, майор:

— Под Мценском снаряд упал мне прямо у ног, зашипел, но не разорвался, я еще плю-

нул на него сторяча... А командиру нашего дивизиона майору Ивану Волкодаву снарядом оторвало голову. Какой был человек замечательный... Как-то в Белоруссии в одном из боев тяжело ранило одного из командиров взводов. Огонь был страшный, не подойти, но выручать надо. Мы с Колей Грачевым, комсоргом дивизиона, вытащили его, посадили в танк, сами сели на броню, вдруг рядом разрыв, Коля ойкнул. И осколок-то был всего с ноготок, но прямо в сердце. И похоронили парня...

Иванов Е. В., политрук артиллерийской батареи:

— Нас было пятеро друзей: Борис Терешенко, Николай Агарышев, Василий Соса, Георгий Похлебаев и я. Все только что из училищ, служили в одном полку, до войны отгуляли друг у друга на свадьбах, дружили семьями. Соса погиб в первом бою, 13 июля 41-го, под Чаусами. Подбил три бронетранспортера, и тяжело ранило в шею. Умирал он в полном сознании, на наших руках, помощь была бесполезной. Все, кто был рядом, поцеловали холодеющие губы. Ему было всего 22 года. Николай Агарышев был убит через два месяца в раз-

ведке, один из группы. Тело его вынести не сумели. Он был единственный сын у матери, она долго писала на фронт. Георгий Похлебаев в бою попал под танк, считали, что погиб, и только в конце войны в одной из газет случайно встретил его фамилию. Как ему удалось тогда остаться в живых — чудо. Полгода по госпиталям, а войну закончил командиром полка и первым комендантом рейхсканцелярии в Берлине. С Борисом Терещенко потерялись в окружении под Брянском, не знали друг о друге ничего много лет, зато потом была встреча — до слез...

Криворучко В. В., командир штабной батареи 17-го артполка:

— Заместителем командира полка у нас был майор Шаповалов. За три года войны — ни одной награды, стыдно перед женой. Стал проситься в дивизион, на боевую работу. Перевели командиром дивизиона — пошли награды. Однажды немцы просочились к НП полка. Шаповалов попал под автоматную очередь. Его награды — орден на Красной Звезды и Отечественной войны — послали жене. Как погиб начальник разведки полка Трофимчук... Купил в воен-

торге золотые погоны, покрасоваться, а тут вызов на НП. Десяти метров до НП не дошел. Немец-пулеметчик и не заметил бы его, если бы погоны золотом не отсвечивали. А как глупо было погибать от рук своих же... Был у нас зам. по строевой Мотов — застрелил часового, когда тот его, пьяного, не пускал к девицам. А сам был такой трус, из блиндажа не вылезал, даже в стереотрубу боялся смотреть. Комлев, вологодский, встретил на войне сына, только поговорили, парень пошел к своим в часть — свист снаряда... И нет сына. — «Как я теперь старухе напишу...»

Где-то в Белоруссии встретились двое офицеров, вместе до войны учились. Встали покурить у сарая — шальной снаряд. И нет обоих... Смерть их свела. К нам в гости из пехоты часто приходила девушка-санструктор. Пошла обратно, ей кричат: «Иди траншеей!» Нет, она была бесстрашная. Одна случайная мина... А как у нас в полку погибла одна девушка-медсестра: пожалела умирающего на поле боя раненого немца, стала его перевязывать, а он ей финку под сердце... Однажды только собрались обедать — свист снаряда, и прямо в полевую кухню. Как ругался наш повар — не пере-

дать, мы смеялись: а если бы снаряд упал чуть попозже, то и плакать было бы некому. Сколько было таких моментов, что случайно погибали, случайно оставались живы...

Коробков А. А., связист, рядовой:

— Как был убит мой лучший друг Иван Солдатов из Арзамаса... В окружении в брянских лесах нас с ним догоняли немцы. Он так изнемог, что не было сил идти, и мне уже неважно тащить его... Посадил его на кочку и побрел я один. Оглянулся метров через сто и вижу: немец приставил к его голове автомат и дал очередь... А с Иваном мы еще на погрузке в эшелон 25 июня 41-го сбегали в привокзальный ларек и выпили на посошок по стакану красного вина. Я был уверен тогда, что вина выпил последний раз в жизни — все равно убьют...

Михайленко С. С., командир орудия 17-го артполка:

— Мне как комсору дивизиона командование давало задания организовывать похороны убитых офицеров. Ранней весной или осенью, не помню деревни, на сельском кладбище похоронили старшего лейтенанта, начальника штаба дивизиона по фамилии

Медведь, родом из Полтавской области. Несмотря на сильные обстрелы, хоронили его с почестями. На траурном митинге выступил майор Малицкий, замполит дивизиона. Он так хорошо говорил о погибшем... А на другой день и его похоронили рядом с начальником штаба. Вечером во время артналета не пошел в щель — и прямое попадание снаряда в дом, осколками его убило. Вот как бывает: выступал на траурном митинге и, конечно, не думал, что через несколько часов и он ляжет в могилу...

Тарасов С. С., комсорг полка, майор:

— До сих пор переживаю, как погиб наш парторг батальона капитан Кузьмин, на второй день прибытия на фронт, в марте 1944 года. Первым поднялся в атаку, был тяжело ранен. Умирая у меня на руках, все шептал: «Как обидно умирать... Победа близка... как хочется жить»...

Лебедев Н. А., командир отделения разведроты дивизии, старшина:

— Как погиб мой друг Сергей Стебаков, из Змиевки. В поиске нарвались на немцев, семь человек тогда погибло, а его схватили немцы. Был такой истошный крик, а у нас

чувство бессилия, что не можем помочь. Потом две ночи вытаскивали убитых... Янсон Саша, такой хороший парень, его тяжело ранило, когда стали уже уходить, сразу вынести его не сумели. Через день мне поручили его вытащить, это был долг — хоронить товарищей. Подползли к нему — он почти сгорел, видимо, на раненом загорелась телогрейка. И единственное чувство — вытащить, не дать, чтобы был неизвестно погребен. Похоронили на берегу Днепра, с салютом...

Соколова О. Д., машинистка штаба полка:

— Как убило старшину Добрынина... Он прекрасно играл на гармошке и тогда сидел на пеньке, все слушали его любимую «Темную ночь». Вдруг какой-то шальной «юнкерс» на бреющем из-за леса... «До тебя мне дойти нелегко», стук очереди по земле, аккорд упавшей гармошки — и он повалился, уже мертвый...

Степанцев А. П., заместитель командира полка по тылу:

— У нас был переводчик, Иоффе, прошел с нами все окружения, больше двух лет воевал, а уже перед Десной сел писать письмо

домой, и какая-то шальная пуля... И только ведь написал жене: «Я жив-здоров»...

...И сколько подобных случаев может вспомнить каждый из оставшихся в живых в этой долгой и кровавой войне...

«ЭТО БЫЛ НАСТОЯЩИЙ АД...»

Степанян П. С., политрук роты 125-го полка 6-й стрелковой дивизии:

— В субботу двадцать первого июня 41-го был выходной. Из командования полка никого в крепости не было, все отдыхали с семьями в Бресте. У меня как политрука занятий в роте не было. Вечером вместе с бойцами в клубе посмотрел кинофильм «Чапаев», можно было идти на квартиру, которую снимал в Бресте, это два километра пешком, но что-то не хотелось, и я решил заночевать в роте. Полюбовался закатом над Бугом, сказал дневальному, чтобы разбудил в 5:45, и — отбой...

Девятнадцатого июня, когда наши бойцы тренировались, быстро занимая позиции, я обратил внимание, как на другом берегу Буга к реке подъехала автомашина. Из нее вышли трое немцев, которые долго раз-